

**РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА****SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT
OF HUMAN CAPITAL**

УДК: 94 (47)

DOI: 10.25629/НС.2022.09.01

**КЛИМЕНТ СМОЛЯТИЧ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
СО СМОЛЕНСКОЙ ЕПИСКОПИЕЙ****Бояринов В.В.**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье рассматривается деятельность митрополита Климента Смолятича, его поставление на кафедру и последовавшие за этим споры в церковно-политической среде Средневековой Руси.

Ключевые слова: Климент Смолятич, Мануил, Ростислав Мстиславич, смоленская епископия, история Смоленской земли.

Климент Смолятич – одна из загадочных фигур в русской средневековой истории. Ряд исследователей видят в его прозвище прямую связь со Смоленской землей, откуда он мог быть родом [5, С. 486]. Другие считают, что это патроним, происходящий от имени Смолята, а не от названия города [17, С. 197]. Клименту было суждено стать вторым природным русским митрополитом на киевской кафедре, а потом быть незаслуженно забытым потомками. Прямая и косвенная связи Климента со Смоленской землей сыграют немаловажную роль как в его биографии, так и в общественно-политической жизни всей Руси.

Обращает на себя внимание уже то обстоятельство, что целостную картину событий 1147 г. удастся представить только при объединении свидетельств Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Запечатленные в них факты не пересекаются, но и не противоречат друг другу, чего не скажешь о Новгородской I летописи старшего извода, лишь ретроспективно засвидетельствовавшей указанные события [9, С. 214]. Так, в Ипатьевском своде обнаруживаем пространственный рассказ о поставлении Климента: *“В то же лѣто постави Изяславъ митрополитомъ Климѣ Смолятича выведъ изъ Заруба; бѣ бо черноризецъ скимникъ, и бысть книжникъ и философъ, такъ якоже в Руской земли не бѣшетъ”* [8, С. 29]. В то время как Лаврентьевская летопись куда более лаконична, зато фиксирует точную дату поставления: *“Изяславъ постави митрополита Климѣ, калугера, Русина, особъ с шестью епископы, мѣсяца июля въ 27, на память свягаго Пантелеймана”* [7, С. 137].

Такая точная датировка с указанием на память святого для данной части Лаврентьевской летописи не является общим местом [4, С. 22]. Данное указание является чем-то уникальным, заставляющим над этим задуматься. Б. А. Успенский отмечал, что Климент мог быть поставлен в день именин князя Изяслава Мстиславича [16, С. 260-261], который, возможно, имел христианское имя Пантелеймона [4, С. 22. Прим. 6]. Казалось бы, связь налицо. Климент Смолятич своим избранием был обязан своему патрону – князю Изяславу, разделившему с ним и взлеты, и падения, однако не все так просто. Сопоставление княжеских именин с общецерков-

ными действиями не находит своих аналогий в предшествующую эпоху, значит, если поставление Климента действительно случилось на именины князя Изяслава, то это весьма нетривиальный факт [4, С. 23-27].

В 1147 г. киевский князь Изяслав Мстиславич, брат смоленского князя Ростислава Мстиславича, решил самовольно без совета с другими князьями и санкции константинопольского патриарха поставить Климента, монаха Зарубского монастыря митрополитом [8, С. 30]. Для легитимации данного действия и последующей хиротонии необходимо было собрать собор русских епископов. По подсчетам Е. Е. Голубинского в 1147 г. на Руси было 10 или 11 кафедр, причем одна вдовствующая, значит 9 или 10 епископов [2, С. 304-305]. Шесть архиереев поддержали инициативу князя Изяслава: Онуфрий Черниговский, Евфимий Переяславский, Иоаким Туровский, Феодор Владимирский, Даниил Юрьевский, Феодор Белгородский [8, С. 30]. Остальные либо просто не явились на собор, либо выступили против. Ярыми противниками Климента были: первый смоленский епископ грек Мануил, новгородский владыка Нифонт и Косма Полоцкий [8, С. 30]. Видимо, немаловажную роль имело «греческое» происхождение указных лиц. Кроме того, поставление митрополита без санкции Константинополя шло в разрез с традиций. Киевская митрополия не являлась автокефальной церковью в этот период, а значит, подобные действия были неканоничны и не могли быть признаны в православном мире.

Сторонники князя среди епископов пытались обосновать свое право на поставление митрополита. Так, черниговский епископ Онуфрий, как следует из Ипатьевской летописи, заявил: *“азъ свѣде достоитъ ны поставити, а глава у насъ есть стѣо Климента, якоже ставять Греци рукою стѣо Ивана”* [8, С. 30]. Климент Смолятич был поставлен, по выражению, одного летописца *“славою стѣо Климента”* (в Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи читаем *“главою стѣо Климента”*). Хотя выражение *“славою”* представляется интересной новацией, речь скорее всего идет о пропуске слова *“главой”*). Использование реликвий для хиротонии имеет древнюю традицию в Церкви [4, С. 28. Прим. 22]. Мощи, выступая как сакральный объект, придавали особый статус данной церемонии. В случае если это были останки епископа, то они могли олицетворять непрерывность преемственности, которая является самодостаточной и не требующей внешнего одобрения [4, С. 28. Прим. 22]. Примеров поставления архиереев с использованием мощей достаточно много в истории Восточной церкви [4, С. 28. Прим. 22].

В данном случае речь шла о св. Клименте папе римском, чьи мощи были весьма почитаемы на Руси и сыграли важную роль в процессе христианизации славян. После обретения мощей словенским учителем Константином-Кириллом Философом в Херсонесе, часть их попала на Русь, другая – хранилась в Риме. Фигура св. Климента папы римского была объединяющей для всего Slavia Orthodoxa, имея прямую связь с солунскими братьями [16, С. 269-270].

Примечательно, что новопоставленный митрополит был еще и тезкой древнего святого. Б. А. Успенский в этой связи даже выдвинул гипотезу, что имя Климент было изменено во время самой хиротонии [16, С. 269-270]. Хотя такая практика имело место быть в более поздний период, в данном случае представляется маловероятной [4, С. 29. Прим. 52]. Сообщение Ипатьевской летописи: *“постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича выведъ изъ Заруба”* скорее можно трактовать так, что монаха звали Климом и до поставления в митрополию [8, С. 29].

Гораздо интереснее понять, в честь какого святого был поименован монах. Казалось бы, летописное известие о поставлении главой св. Климента папы римского не оставляет и тени сомнений. Однако, на 27 июля кроме памяти св. Пантелеймона (покровителя князя Изяслава) выпадает память другого Климента – епископа Велицы, более известного как Климент Охридский († 916) [4, С. 30]. Сам Климент Охридский, ученик Кирилла и Мефодия, первый славянский епископ в качестве своего небесного покровителя видимо чтит все того же св. Климента папу римского, на что указывают факты его биографии [4, С. 30]. Память Климента Охридского празднуется как 27 июля, так и 22 ноября [14, С. 224-225]. Вторая дата в свою очередь близка с датой поминовения Климента папы римского: в западной традиции – 23 ноября, в восточной – 25 ноября [14, С.

224-225]. Климент Охридский, будучи болгарским епископом, основал монастырь в честь великомученика Пантелеймона в окрестностях Охрида [4, С. 31]. В то же время болгарский царь Борис строит еще один Пантелеймовский монастырь в Преславле [4, С. 31]. И дата 27 июля – предствление Климента Охридского была приурочена к празднованию памяти святого, в честь которого епископом был воздвигнут монастырь [4, С. 31].

Такое совпадение дат и имен случается не так часто. Остается загадкой, насколько эти переплетения были отрефлексированы современниками. Большой путанности добавляет тот парадоксальный факт, что, не смотря на популярность на Руси почитания данных святых, упоминания о них в древнерусских месяцесловах отсутствуют [15, С. 453]. Думается, такой разницей в источниках связан с тем, что процесс накопления новых знаний и распространения почитания предвосхищал их отражение в месяцесловах.

Рассмотрев сложную и противоречивую предысторию поставления Климента, перейдем к ее последствиям как для смоленской кафедры, так и для Русской церкви в целом. Став вторым русским по происхождению митрополитом без патриаршего благословения, Климент Смолятич нарушал канонические обязательства перед Константинополем. Но как полагал Е. Е. Голубинский, князь Изяслав не хотел менять привычный порядок избрания митрополитов в Константинополе, скорее это был единичный случай, просто чтобы заставить патриарха внимательнее относиться к Киевской митрополии [2, С. 304]. Ведь предшественник Климента митрополит Михаил по непонятным причинам покинул Русь в 1145 г., и наложил интердикт на архиерейское служение в святой Софии [8, С. 30]. Киевская кафедра вдовствовала на протяжении двух лет. Из-за этого промедления со стороны патриарха, которое князь Изяслав рассматривал как личное оскорбление, он и решился на такой шаг [2, С. 301]. Все же символично, что Климент взошел на кафедру как независимый кандидат в год первого летописного упоминания Москвы (1147 г.) – города, которому предстоит стать столицей Русского государства и автокефальной Русской Церкви.

Примечательно, что как княжеский ставленник Климент должен был разделить судьбу своего покровителя. Став великим князем киевским, Изяслав поставил митрополитом Климента. А уже в 1149 г. Юрий Долгорукий занимает великокняжеский престол, и митрополит вместе с Изяславом удаляется из Киева. В 1150 г. Изяслав дважды возвращал себе великое княжение, столько же возвращалась и кафедра митрополиту вплоть до смерти Изяслава в 1155 г.

Среди противников поставления Климента, как мы уже говорили, был Нифонт, епископ Новгородский, и Мануил, епископ Смоленский. За это первый был отправлен в ссылку в Киево-Печерский монастырь, а Мануил, по сообщениям Ипатьевской летописи, был в бегах: *“иже бе бегал перед Климом”* [8, С. 80]. Его местонахождение в этот период неизвестно. Однако, как только власть в Киеве перешла к Юрию Владимировичу, появляется на авансцене и Мануил: *“и тако испровергни Климову службу и ставления и створившее божественную службу и благословиши князя Дюргя Володимирича”* [8, С. 80]. По мнению Я. Н. Щапова, вслед за возвращением Нифонта в 1150 г. на смоленскую кафедру вернулся и Мануил. Примечательно, что именно в этом году князь Ростислав Мстиславич даровал епископии некий “холм” [3, С. 146].

Кроме того, в “Похвале князю Ростиславу” под 15 августа (Успение Богородицы) 6658 г. 13 индикта речь идет об освящении смоленской кафедральной церкви епископом Мануилом [18, С. 59]. Перед нами сентябрьский, византийский год, что в переводе на современное летоисчисление соответствует 15 августа 1150 г. [18, С. 56; 11, С. 134]. Но ведь Мануил был епископом с 1136 г. и очевидно совершал службы. Действительно, главный смоленский Успенский собор начали строить еще при Владимире Мономахе в 1101 г. Возможно, что Ростислав что-то усовершенствовал в конструкции [1, С. 27; 11, С. 143]. В любом случае в 1136 г. в нем проходили службы. Тогда, как объяснить столь позднее его освящение. Сравнение разных источников, в том числе археологических свидетельствует в пользу того, что это было повторное освящение [18, С. 56]. Возможно, что храм был осквернен, но кем? Наиболее убедительной, на наш взгляд, является гипотеза Я. Н. Щапова, предположившего, что “осквернение” храма могло произойти в ходе церковно-политической борьбы, связанной с Климентом Смолятичем

[18, С. 56; 19, с. 145]. В годы его архипастырского служения в смоленском соборе находились его ставленники. Когда же Мануил вернулся к управлению своей епископией, видимо, решил переосвятить кафедральный собор, “оскверненный” священниками, не признанного им митрополита [20, С. 281].

На этом, однако, история с Климентом Смолятичем не заканчивается. Утвердившись на киевском престоле, Юрий Долгорукий поспешил обратиться в Константинополь для поставления нового законного митрополита, Климента он не признавал [2, С. 311]. Патриарх отправил на Русь для окормления Константина, который прибыл в 1156 г. [8, С. 80]. Новый митрополит низложил всех священников, поставленных Климентом, произнес проклятия и в адрес умершего Изяслава [2, С. 312].

В 1157 г. умирает сам Юрий Долгорукий. К власти в Киеве пришли дети Изяслава, которые решили передать престол своему дяде смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу [8, С. 87]. Изяславичи выступали и за возвращение Климента на митрополичью кафедру, но против был Ростислав Мстиславич Смоленский. Поэтому, пришли к компромиссу ни Климента, ни Константина не оставлять, а послать за новым митрополитом. В 1161 г. на Русь прибыл грек Феодор, однако уже в 1163 г. он скончался [8, С. 92].

За это время Климент, видимо при содействии Изяславичей, вошел в доверие к князю Ростиславу [2, С. 313]. В Константинополь было отправлено посольство с просьбой признать Климента законным митрополитом, что называется “задним числом”. На полпути посольство встретилось с вновь назначенным митрополитом Иоанном IV и вернулось в Киев [8, С. 92]. Для того чтобы задобрить князя Ростислава Мстиславича, вместе с новым ставленником на Русь были отправлены богатые дары от византийского императора Мануила I Комнина. Князь все-таки принял его, но произнес, если верить сведениям В. Н. Татищева, знаменитую фразу: “*Я сего митрополита за честь и любовь царскую ныне приму, но впредь, ежели патриарх без ведома и определения нашего против правил святых апостол в Русь митрополита поставит, не токмо не приму, но и закон зделаем вечный избирать и поставлять епископом руским с повеления великаго князя*” [12, С. 73]. Даже если Ростислав и произнес подобную речь, вряд ли он имел в виду изменения реального порядка. Иначе зачем тогда было отправлено посольство в Константинополь с просьбой утвердить Климента? Впоследствии летопись умалчивает о судьбе Климента Смолятича, он сходит с исторической сцены. По гипотезе А. П. Толочко, основанной на отождествлении Клима из “Вопрошания Кирикова” с Климентом Смолятичем, последний покинул Русь и провел последние годы жизни в монастыре на Афоне [13, С. 548-549].

В литературном творчестве Климент явно опережал свое время. Единственное дошедшее до нас произведение – Послание смоленскому пресвитеру Фоме, свидетельствует о высоком интеллектуальном уровне митрополита. Он был новатором в применении аллегорического метода толкования Священного Писания на Руси, что не могло найти поддержки в крайне консервативной церковной среде [6, С. 96].

Относительно его летописной характеристике как “философа”, в литературе существуют разные мнения. Традиционная точка зрения, согласно которой так называли человека образованного, сведущего в науках [4, С. 69]. Новаторский взгляд предложил С. Франклин. Так, исследователь отметил одно значение данного термина на русской почве, не свойственное древнегреческому способу употребления термина, а именно категория отчужденности, в отношении Климента можно говорить о нем, как о «почетном иностранце» [21, Р. 74-80]. Это своеобразный маркер уникальности человека [4, С. 70]. Интересно, что подобное восхваление можно найти и для многих митрополитов, присланных из Константинополя [4, С. 70]. Более того данные формулы были широко распространены среди византийских книжников [4, С. 71]. Употребление контекстуально схожих слов в одном месте «книжник и философ» – слово философ выступает в качестве дополнения: под философией здесь может пониматься “грамматико-риторическая выучка и знакомство с античными авторами” [4, С. 73]. Летописец, следуя манере византийской книжности, подчеркивал двусоставность образования Климента: знание Священного Писания и классическое эллинистическое образование [4, С. 73]. Более подробно о грамотности в Смоленской земле речь пойдет в соответствующей главе.

Яркое сравнение сделал Б. А. Рыбаков. Историк сравнивал Климента Смолятича с его младшим современником Пьером Абеляром (1079-1142). Русский митрополит, как и французский богослов настаивает, что к вопросам веры нужно подходить с разумом, а значит не бояться использовать и античную философию [10, С. 63]. У обоих драматичная судьба: Абельяр был осужден, его сочинения запрещены. Однако сохранилось до наших дней большинство [10, С. 63]. О Клименте после поставления нового митрополита-грека также ничего неизвестно, а из его литературного наследия дошло только одно Послание [10, С. 63].

Все в жизни и творчестве Климента Смолятича необычно. Одаренный монах, волей судьбы он оказался во главе церковной иерархии на Руси, но это не принесло ему славы и уважения. Наоборот, обстоятельства возведения его на кафедру раскололи церковные и политические круги на два враждебных лагеря: сторонников и противников. Ситуация была тем более драматичной, что в лагере противников оказались и представители Смоленской земли, с которой Климента многое связывало.

Следуя древней традиции, он был хиротонисан главой св. Климента. О том, кого он сам считал своим небесным покровителем св. Климента папу римского или Климента Охридского, мы вряд ли когда-то узнаем. Надо думать, к ним обоим он относился с глубоким почтением и уважением. Что двигало князем Изяславом в 1147 г.: простое желание снять не ему врученный интердикт или попытка изменить прежний порядок церковной организации? Думается, что все-таки первое. Будучи княжеским ставленником Климент должен был разделить судьбу своего покровителя. Юрий Долгорукий его не принял. Ростислав Мстиславич же сначала отринул, но впоследствии даже согласился отправить посольство к патриарху для утверждения кандидатуры Климента, однако история не увенчалась успехом.

Ненависть к Клименту со стороны смоленского епископа Манула объяснима. Ему греку по происхождению трудно было смириться с политикой князей, идущей в разрез с каноническими правилами. Тем ярче выгладит демонстративный жест в виде переосвящения смоленского кафедрального храма от “Климова осквернения”.

Книжник и философ, человек с блестящим образованием. Он пытался защитить новаторский для той эпохи метод в толковании Священного Писания, но все было тщетно. По сути, Климент стал заложником обстоятельств, политических интриг князей. В этом отношении его судьба печальна. Вот уж для кого как нельзя лучше подходит известная латинская фраза: *Sic transit gloria mundi*.

Библиография

1. Воронин Н. Н. Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII-XIII вв. Л., 1979. 414 с.
2. Голубинский Е.Е. История Русской церкви. М., 1901. Т. 1. 1 пол. тома. 793 с.
3. Жалованная запись смоленского князя Ростислава Мстиславича с датой 1150 г. сентября 30 церкви Богородицы и епископу на земельный участок // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / изд. подг. Я. Н. Щапов; отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 146.
4. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Траектории традиции: Главы из истории династии и Церкви на Руси кон. XII - нач. XIII в. М., 2010. 207 с.
5. Поньрко Н. В. Климент // Православная энциклопедия. М., 2014. Т.35. С. 486-488
6. Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв.: Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. 215 с.
7. Полное собрание русских летописей. СПб., 1846. Т. I (Лаврентьевская летопись).
8. Полное собрание русских летописей. СПб, 1845. Т. II (Ипатьевская летопись).
9. Полное собрание русских летописей. СПб., 1841. Т. III (Новгородская I летопись).
10. Рыбаков Б. А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993. 334 с.
11. Сумникова Т. А. Повесть о великом князе Ростиславе Мстиславиче Смоленском и о церкви в кругу смоленских источников XII в. // Восточнославянские языки. Источники их изучения. М., 1973. С. 128-146.

12. Татищев В. Н. История Российская. М., 1995. Т. 2, 3. Ч. 2. С. 73. 686 с.
13. Толочко А. П. Клим Смолятич после низвержения из митрополии // Хорошие дни: Памяти А. С. Хорошева. Вел. Новгород; СПб.; М., 2009. С. 548-560.
14. Туницкий Н. Л. Св. Климент, епископ Словенский: Его жизнь и просветительная деятельность. Сергиев Посад, 1913. 290 с.
15. Турилов А. А., Флоря Б. Н. Христианская литература у славян в середине X — середине XI в. и межславянские культурные связи // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2002. С. 398-458.
16. Успенский Б. А. Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. 676 с.
17. Щапов Я. Н. Государство и церковь в Древней Руси. М., 1989. 228 с.
18. Щапов Я. Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 47-59.
19. Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь на Руси XI—XIV вв. М., 1972. 338 с.
20. Щапов Я. Н. Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. // Новое в археологии: Сб., посвященный 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972. С. 276-282.
21. Franklin S. O «filosofach» i «filosofii» v Kijevskoj Rusi // Bsl. 1992. Vol. LIII. P. 74–86.

KLIMENT SMOLYATICH: RELATIONS WITH THE BISHOPHOUSE OF SMOLENSK

Boyarinov V.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article deals with the activities of Metropolitan Kliment Smolyatich, his appointment to the cathedra and the ensuing disputes in the ecclesiastical and political environment of Medieval Russia.

Key words: Kliment Smolyatich, Manuil, Rostislav Mstlavich, Smolensk diocese, history of the Smolensk land.